

СООТНОСИМОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ПРОСОДИИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Соотношение между устной и письменной речью служит предметом давних и непрекращающихся споров и разногласий. Так, например, на заре классической эпохи Б. де Виженер и К. Дюре полагали, что письмо предшествует устной речи подобно тому, как «мужское начало» господствует над женской частью языка. По их мнению, до Потопа должны были существовать естественные письмена, которые Адам разгадывал на бегущих и летающих тварях, подводимых к нему Господом, чтобы Адам дал им имя [1, 68]. В XX веке данный взгляд также поддерживается Я. ван Гиннекенем, высказавшим мнение о том, что письмо предшествовало артикулированной речи, а первые пиктограммы есть не что иное, как графическая транспозиция жестов руки, которые составляют первейший источник всякой речи [28].

Выдвигаемая гипотеза о происхождении графики из жестов опровергается тем, что можно наблюдать на примере древнейших письменностей. Эти письменности представляют собой подвергшиеся стилизации рисунки предметов, а вовсе не рисунки имитирующих их жестов. Поэтому даже если предполагать, что «настоящая» письменность существует издревле, ее наличие не исключает существования устной речи, и нет строгих доказательств того, что начальная стадия письма предшествовала устной речи [3; 23].

Нет сомнения все же, что живой голос всегда предшествует письму. Более того, в некоторых цивилизациях на письменность налагался запрет, и, тем самым, обеспечивалась исключительная устная передача знания. Так, свидетельства такого табу можно найти, например, в талмудических текстах: «Тому, кто запишет легенды, не найдется места в будущей жизни. Любой, кто доверит записи правил практической жизни в иудаизме, уподобится тому, кто бросает Тору в огонь» [1, 70].

Термин «письменность» может иметь различное наполнение. К письму можно отнести, например, наскальные мифограммы эпохи верхнего палеолита, на которых изображены сцены охоты. Однако, если придерживаться традиционного содержания этого термина, когда под письменностью понимается техника воспроизведения речи посредством следа, оставляемого на хорошо сохраняющейся основе, тогда можно го-

ворить уже и об изобретении письменности. С изобретением письма в руках человека оказалось долговечное средство закрепления *сказанного*. Теперь стало возможным сохранение знания своей истории, которое передавалось другим поколениям до изобретения письма благодаря именно устной традиции [12].

Каковы же основные свойства письменного текста? Прежде всего, письменный текст лишен протагонистов, он представляет собой отсроченное изложение событий, и, будучи противопоставленным тому, что он же и воспроизводит, представляет собой некий диалог на расстоянии, когда отсутствует контакт между артикуляторными, акустическими и визуальными каналами связи собеседников, а также оперативная обратная связь между ними. Однако, именно по этой причине письменный текст может быть в распоряжении любого читателя и может сохраняться на достаточно долгий срок. Занимая некоторую часть пространства, он позволяет производить любые повторения и перестановки; вместо отсутствующих вещей и произносимых слов, исчезающих по мере их произнесения, письменный текст представляет собой хранилище зафиксированных слов, давая тем самым возможность каждому остановиться на их сути и внимательно их изучить. Написанное может навести на раздумья, может способствовать развитию умения анализировать и синтезировать полученную информацию.

Между письменным и устным стилями наблюдаются расхождения следующего порядка: устному стилю присуща большая спонтанность и меньшая упорядоченность; письменный регистр обладает большим престижем и большей значимостью. Установлено, что в письменном и устном стиле одного и того же языка используются различные языковые средства. Например, в письменных текстах на английском языке больше номинализаций, причастий, качественных прилагательных, чем в устных текстах [26].

В некоторых случаях престиж письменного языка связан с тем, что он может отражать различные периоды в истории языка, значительно отличающиеся от современного, и служит, в таком случае, хранилищем фразеологии и источником книжных слов, кроме того, он продолжает использоваться в богослужении. Такова роль, например, латыни, санскрита, старославянского, пали, арабского языка Корана и др. [18].

Необходимо подчеркнуть, что письменная речь позволяет устранить *линейность*, этот непреходящий атрибут устной речи, который с давних пор находится в центре многих лингвистических исследований. Так, располагаясь на плоскости, письмо предоставляет возможность комбинировать его направления: вертикальное, горизонтальное, слева направо, справа налево. Например, прием *палиндрома* возможен только в письменной форме, поскольку этим термином обозначаются слова и фразы, читаемые одинаково слева направо и справа налево. Есть ряд других полиграфических приемов, позволяющих придать письму внутреннюю целесообразность. Это, прежде всего, типографская техника: красная строка, пробелы, деление на главы, заглавные буквы, заголовки и

подзаголовки. Данные средства превращают вырванное из произнесенного времени, т. е. из темпоральности, слово в объект пространства, наделяя его признаком пространственности и превращая его в предмет, двухмерный на плоскости страницы и трехмерный в объеме книги [24]. Эти приемы позволяют, несомненно, лишь в определенной степени транспонировать ритм живой речи в рамки письменного текста, наполняя его новыми компонентами графического уровня.

Р. Хассон, в свою очередь, полагает, что чтение алфавитного письма предполагает работу сложнейших механизмов мозга. Этот процесс не обязательно происходит на уровне фонем, представленных на письме графемами. В противном случае, глухонемые, прошедшие переобучение, могли бы читать только те слова, которые они научились артикулировать. На самом деле они могут читать и писать гораздо большее количество слов по сравнению с теми, что могут произнести. Подобная иллюзия возникает из-за игнорирования сравнительной автономии письменного кода по отношению к устной речи [29].

Письмо требует известной перестройки мыслительного и речевого процессов. Только на относительно высоком уровне развития письменной речи человек может строить ее так, что она по форме, по лексическому составу мало отличается от устной речи, т. е. говорящий может преодолеть трудности, возникающие перед ним, с переменной условий речевого процесса при переходе на письменное общение. Отмечается, что между устной и письменной речью в отношении словаря и грамматики, возможности передачи мыслей и переживаний на письме и речи остаются в той или иной мере у большинства людей на всю жизнь [16].

Однако по-настоящему естественным является только устное сообщение, и только оно может сохранить исходный смысл и эмоции говорящего, выражающие его отношение к высказанному и передающие его чувства. Устное сообщение многопланово, о чем свидетельствуют его основные свойства, которых лишен, по сути, письменный текст, это *интонация*, которая выполняет, прежде всего, *коммуникативную* функцию, сообщая, является ли высказывание законченным или незаконченным,

содержит ли оно вопрос, ответ и т. д., и эмоциональную функцию, которая отражает психологическое состояние говорящего и его намерение определенным образом воздействовать на слушающего. Последнее имеют в виду, когда говорят об эмпазе.

Интонация позволяет стратифицировать устный дискурс в виде иерархической структуры, когда, например, основное сообщение произносится в ином регистре по сравнению с вводными предложениями, которые к тому же могут быть вложены друг в друга [4; 16; 17]. Графическое воспроизведение, точное во всем остальном, не отражает в рамках письменного текста интонацию, а потому может оказаться полностью непонятным, даже если соответствующие устные высказывания совершенно ясны как для адресанта, так и для адресата. В качестве примера приведем начало выступления на заседании круглого стола «Ученый в споре» (выступающий - кандидат математических наук, аудитория - специалисты в области науковедения, ученые, аспиранты):

«Я начну, вот, и собственно, в основном, я даже расскажу, поскольку легче объяснить математическое содержание спора, именно, древнегреческого, ну вообще, в античности все модели яснее, все моделируется слишком далеко от нас, и видно только самое важное, Э-э...как после того как было, в пифагорейской школе открыто явление несоизмеримости, двух отрезков, э-э это, в математике возник очень серьезный кризис...»¹.

Отмечаемые в приведенном отрывке такие виды «речевого брака», как незавершенные конструкции, перебои, связанные с поиском нужного слова, хезитации, выражающиеся в паузах, заполняемых или незаполняемых «словами-паразитами» и т. д., естественные для устного сообщения, в письменном виде выглядят как явные нарушения структурного и стилистического плана и считаются некорректными для данного типа речи [20].

Письменный текст всегда связан с определенным типом социальной культуры, он является результатом практической деятельности человека (составление кодексов, законов, договоров), экономической жизни (ведение счетов), политической и религиозной власти (манифесты, воззвания, акты, призывы и др.). Устный же текст (стиль) прибегает к различным приемам жестовой и артикуляторной символики, которые обеспечивают, прежде всего, эффективную мнемотехнику. К таким приемам относятся рефрены, зачины, обращения, связывающие слова, вводные выражения, обилие квазисинонимов, ассонансы, рифмы, аллитерации и любые другие звуковые

¹ Этот пример взят из [Приложение к БФФРЯ «Русская научная речь»].

повторы, лексические и грамматические параллелизмы, двусмысленности, ритмизация речи посредством жестуляций и движений рта [9].

Все перечисленные выше явления могут быть обозначены одним общим приемом, характерным исключительно для устного текста, - *по-втором*, который является более эффективным инструментом создания иконической связности, чем письменные формулы типа «и т. д.», «и др.» и может считаться одним из основных способов построения устной речи [1,82]. Такой подход является оправданным, поскольку устный текст представляет собой не то же самое, что написанный текст, который можно пробежать глазами в обратном порядке. Это, прежде всего, звуковая волна, которая без особых приемов не может удержаться в памяти и быстро исчезает по мере продвижения устной речи вперед [7; 8].

В обществах с устной традицией письмо, если оно используется в литературных целях, служит, прежде всего, подсказкой, памяткой. Когда письменная форма поэзии со временем превращается в особый жанр, в ней продолжают использоваться некоторые приемы устного стиля, такие как, например, ритм, а также рифма. Эти приемы могут использоваться также активно при обучении детей грамматике с помощью загадок, считалок, скороговорок, в которых максимально используются различного рода вставки, перестановки слогов, звуковые головоломки [25].

Эмоциональная функция интонации также может быть описана в параметрах письменного текста, но эти параметры не всегда точно передают состояние говорящего и его намерения. В устной речи эмоциональные реакции вариативны, но в основном выделяются четыре базовых вида эмоций: гнев, радость, тоска и страх. Дифференциация эмоций устного высказывания происходит на основании изучения трех уровней: особенностей нейрофизиологических состояний, мимических комплексов и мотивационных характеристик, которые не эксплицируются из письменного текста.

Так, в рамках письменного текста возможно рассмотрение так называемого эмоционального синтаксиса с учетом функционального типа высказывания, который показывает, что эмоциональные коннотации могут быть реализованы в любом коммуникативном типе, и чаще всего они реализуются в форме *восклицания* [22]. Основное коммуникативное задание данного типа предложения - выражать эмоции. Восклицательным в устной речи может стать любое предложение, выражающие

сильную степень эмоциональной насыщенности, а в письменной речи только то, которое определено типом пунктуации (точка, знак вопроса, знак восклицания) [2].

Сильная степень эмоции (гнева, раздражения, страха, отчаяния) часто реализуется в *побудительном*, побудительно-восклицательных предложениях. Степень эмоциональной насыщенности побудительно - восклицательных предложений усиливается благодаря использованию личного местоимения, повторов, междометий, вводных слов, частиц, повышенного количества акцентно выделенных слогов [6].

Вопросительные структуры часто становятся носителями эмоционального заряда. Из всех видов вопроса наибольшими возможностями в плане выражения эмоциональных значений обладает риторический. Эта синтаксическая структура совпадает по формально-грамматической структуре с любым видом вопроса, но резко отличается от него по своему смысловому содержанию: риторические вопросы не требуют ответа собеседника и, таким образом, являются предложениями, находящимися на стыке двух коммуникативных типов - вопроса и повествования, на что указывает М. Я. Блох [5].

Существует мнение о невозможности передавать характер эмоции синтаксически. Однако, как показали исследования Э. А. Нушикян, такая возможность возникает при выражении эмоциональных коннотаций (удивление, ирония, презрение) при реализации любых коммуникативных типов предложений. А такие эмоции как: страх, испуг, подозрение, обида чаще всего выражаются в вопросительных структурах; одобрение, нежность, угроза, стыд, укор - в повествовательных структурах [17].

Устный текст представляет собой понятие очень широкое и разнообразное, и в отдельных случаях речевое произведение лишь с известными оговорками можно отнести к собственно звучащему тексту. Это, например, озвученные художественные произведения, дикторские тексты радиопередач и телепрограмм, чтение с листа докладов и т. д. Здесь следует говорить о прямой транспозиции письменной речи в звучащую форму, т. е., по сути дела, об озвученном письме, где речь имеет в основном репродуктивный характер. Напротив, в таких типах устного общения, как беседа, дискуссия употребление речи имеет импровизированный характер, и использование характерных речевых средств, в большей степени, обусловлено самой формой речи. Именно в этих случаях собственно звучащий текст в отличие от текста письменного представлен наиболее отчетливо. Чтение может быть громким (чтение вслух) и беззвучным (про себя), соответственно более связанным с громкой или

внутренней речью [27].

Интересным в исследуемом аспекте является соотношение между пунктуацией письма и интонацией устного текста. На письме знаки пунктуации (точки, запятые, знаки вопроса и восклицания) определенным образом маркируют модуляции голоса, паузы, интонационные контуры, при этом они являются всего лишь слабым отблеском звучащей речи.

Основной причиной такой недостаточности являлось слабое знание в прошлом всего спектра интонационных явлений звучащей речи. Существует ряд литературных произведений (например, роман «Уллис» Дж. Джойса, стихотворения В. Маяковского, Х. К. Артмана, Э. Фрида и др.), в которых мало или даже вообще отсутствуют знаки пунктуации. В таких текстах, в первую очередь, максимально используются лексические и грамматические средства связи между словами, словосочетаниями, частями сложного предложения и предложениями. Очевидно, что в устном дискурсе этим способам будут соответствовать различные типы интонационных контуров. Такие приемы характерны, прежде всего, для художественной прозы и герметической поэзии, которая бросает вызов графическим условностям, как мы это можем видеть, например, в отрывке из стихотворения Х. К. Артмана «Вижу прет единорог»:

*«дух дубовый луг
лиловый хлеб и масло
меч и лира на
подушках и в
кадушках семью
восемь семью бросим
стрекотанье
стрекозляток...»*

Однако и в классической поэзии также возможен отказ от пунктуации, если каждый стих будет соответствовать синтаксической группе или целому предложению, если нет переносов и длинных периодов, охватывающих сразу несколько стихов. В таком случае членение смысла будет следовать метрическому членению стиха [13].

В теории пунктуации прослеживается три направления: логическое, синтаксическое и интонационное. Представители *логического* направления

приписывают знакам препинания, в основном, смысловую роль: осуществлять смысловое членение и взаимоотношение смысловых частей текста, выражать различные смысловые оттенки. В *синтаксическом* направлении пунктуация рассматривается как средство связи между членами предложения и самими предложениями, как показатель синтаксического строя речи. Представители *интонационной* теории полагают, что знаки препинания служат для указания ритмики и мелодики фразы и интонации, иначе фразовой интонации, что они отражают не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи, что они нужны для передачи мелодики речи, темпа и ее пауз [19].

Л. Р. Зиндер, например, указывал на тесную связь интонации и пунктуации, но одновременно отрицал наличие прямого соответствия между знаками препинания и интонационными средствами их интерпретации, подчеркивая объективный характер пунктуации и ее субъективное значение (авторский замысел) [11]. Современная теория пунктуации полагает, что интонация и пунктуация не зависят друг от друга: интонация связывает смысловое содержание мысли и чувства в речи, а пунктуация - в письме. Однако нельзя не признать, что знаки препинания подсказывают читателю правильную интонацию, способствуют выразительности озвучивания читаемого текста, более точному его восприятию [31].

Независимо от того или иного типа пунктуации, употребляемые в европейских письменностях знаки препинания имеют следующие общие смыслоразличительные функции на письме, которым соответствуют определенные интонационные эквиваленты.

Так, *запятая*, с одной стороны, разделяет единое целое на отдельные части, поскольку эти части не являются вполне самостоятельными единицами речи, что находит свое отражение в легком повышении тона. С другой стороны, она ставится между однородными элементами одного и того же единого целого, что будет соответственно передаваться при помощи прогрессивной мелодики, т. е. интонации перечисления. *Точка с запятой* разделяет вполне самостоятельные части единого целого, что выражается в небольшом понижении тона. *Двоеточие* также разделяет две вполне самостоятельные части единого целого, но, кроме того, указывает, что во второй части даются какие-либо разъяснения к первой. Таким образом, интонация, выраженная на письме двоеточием, будет характеризоваться определенным повышением тона.

Тире, или *черта*, имеет самое неопределенное значение, в связи с чем сфера его употребления колеблется в разных письменностях от единственной функции разделения слов разных действующих лиц в диалоге во французском языке до разнообразного его применения в русском. Можно сказать, что основной смысл тире - это противопоставление, выражаемое повышением, а затем резким падением тона, а иногда реальной паузой, противопоставление вопроса и ответа, подлежащего и сказуемого, протезиса и аподосиса, действия и неожиданного следствия, действия и его

причины и т. д. Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод о схожести интонационного оформления тире с двоеточием в устной речи. *Абзац*, или *красная строка*, которую тоже можно считать своего рода знаком препинания, углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мысли, выражающимся также в сильном понижении тона. *Многоточие* выражает недоконченность, недоговоренность, оборванность мысли, что выражается в отсутствии как повышения, так и понижения тона.

Вопросительный знак выражает вопрос и обладает специфической интонацией. *Восклицательный знак*, как было сказано выше, выражает состояние аффекта, а также сильное побуждение в форме приказа, призыва, запрета и т. д., что на мелодическом уровне также будет характеризоваться специфическим интонационным контуром. *Точка* обозначает полную законченность высказывания, интонационно выражаемую сильным понижением тона.

Кавычки употребляются для текстуального приведения чужой речи, чужих фраз, и даже отдельных слов, которые пишущий не считает своими и оформляется специфической интонацией. *Скобки* обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи, что в устной речи оформляется иной высотой тона и отличается от той тональности, с которой мысль реализуется до и после скобок.

Такие знаки как *дефис*, *пробел*, *апостроф* хотя и являются дополнительными письменными знаками, но собственно не относятся к знакам препинания, так как не имеют отношения к фразовой интонации. Из них пробел не требует объяснения, дефис присоединяет частицы, не употребляющиеся отдельно, а также слова, потерявшие свою самостоятельность. Апостроф выражает пропуск буквы, нормально пишущейся в данном слове.

Проанализированные выше знаки препинания употребляются на письме с целью отображения характера ритма и мелодики фразы, т. е. фразовой интонации. При этом не существует в системе пунктуации таких знаков, которые бы обозначали, например, ударение и его различные виды, реализующиеся только в звучащей речи, скрытые в различных видах

речевой интонации элемента пения, а также долготу или краткость гласных, т. е. те элементы человеческой речи, которые зависят от деятельности голосовых связок. Создание системы пунктуации в языках мира и было вызвано, с одной стороны, стремлением к адекватному отображению звучащей речи на письме, с другой, необходимостью обеспечить понимание читателем письменного текста [30].

Вопрос о соотношении интонации и пунктуации в связи с установлением законов устной интерпретации письменного текста является одним из актуальных вопросов теоретической фонетики, теории и практики обучения выразительной речи и чтению и особенно при обучении чтению на неродном языке. Правила устной интерпретации знаков препинания при чтении иноязычного текста не идентичны тем правилам, которые существуют в родном языке. Например, в английском и русском языках существует один и тот же набор пунктуационных знаков, подразделяемых по формальным и функциональным признакам на: *внешние*, завершающие предложения (восклицательные, вопросительные, точка, многоточие), и *внутренние*, не выходящие за пределы предложения (запятая, тире, двоеточие, точка с запятой); *отделяющие* (точка, вопросительный и восклицательный знаки, запятая, точка с запятой, двоеточие, многоточие) и *выделяющие* (две запятые, два тире, скобки, кавычки); вертикальные и горизонтальные (линии, равенство, многоточие, вопрос, восклицание) [14].

Кроме различий в системе пунктуации на письме и средств интонационного оформления (членения) речи, мы выделяем ряд различий, связанных с *сигналами смысловой ориентации* в письменном и устном текстах. К ним относятся: (1) сигналы адресации, т. е. конструкции, выражающие позицию говорящего; (2) сигналы важности, т. е. конструкции, акцентирующие внимание адресата на том или ином аспекте сообщения, (3) сигналы ориентации, т. е. конструкции, ориентирующие адресата в ходе изложения.

Так, например, в письменном тексте для ориентации читателя служат различные графические средства, цифровые обозначения, которые указывают на следование частей информации, подзаголовки, деление на абзацы, сигнализирующие о переходе к новой теме или микротеме, шрифтовые выделения, которые указывают на особо значимую информацию. В *устной речи* вместо указанных средств выступает класс сигналов, который выполняет в тексте разнообразные смысловые нагрузки: ориентирует адресата в ходе изложения, указывает на порядок следования информации, переход к новой теме или возврат к ней, отсылают адресата к прошлому и будущему изложению, сигнализируют начало и окончание речи. Эти сигналы могут вводить проблему, давать указание на пример, иллюстрацию, ссылку, пояснение, дополнение, конкретизацию, противопоставление, обобщение, вывод. За каждой функцией закреплен определенный класс конструкций, содержащих *опорные лексемы*, значение которых и определяет коммуникативную нагрузку сигнала ориентации в тексте [15].

Необходимо подчеркнуть, что устный текст характеризуется высокой степенью насыщенности смысловых сигналов адресации, важности и ориентации. Именно эта характеристика в значительной степени отличает устный текст от письменного и определяется только интонацией.

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье проблемы соотносимости информационных единиц просодии устного и письменного текста, безусловно, не исчерпывают всю проблематику различий между письменной и устной речью. Полярность мнений о приоритете письма над речью, и наоборот, является актуальной и в настоящий момент в лингвистических исследованиях. «Письмо скрывает язык от взоров: оно его не одевает, а рядит», - писал Ф. де Соссюр [21, 68]. Ж. Деррида, восхваляя письмо, упрекает скриптофобов в фоноили логоцентризме: помещая в центр анализа произносимый дискурс, они игнорируют письменный след, который не нуждается в собственном присутствии, ибо призван обеспечить присутствие чего-то иного [10].

Технические новшества, появившиеся в 20 ст., серьезно подорвали силу письма, его владычество оказалось под угрозой. Растет число профессий и видов деятельности, в которых всякое эффективное воздействие, оказываемое с целью информировать, убеждать, нравиться, не может опираться на одни лишь письменные тексты. Политики, специалисты в области PR, рекламы, писатели, журналисты - все вынуждены, так или иначе, прибегать к формам и приемам устной речи. В этом контексте магнитофоны, видеомангнитофоны, компьютеры могут полностью изменить и изменяют соотношение между звучащим словом и его графическим изображением, при этом, не оказывая существенного влияния на глубинную сущность языка, а лишь косвенно влияя на его письменную форму.

Необходимо подчеркнуть, что языкознание не может остаться безразличным к развитию новых технических средств, напротив, благодаря этим средствам становится возможным его обновление, развитие его классических областей в прикладном аспекте. Аппараты, регистрирующие устную речь, в принципе, делают обратное тому, чем занимаются лингвисты: они фиксирует одни только *варианты*. В задачу последних входит именно поиск *инвариантов* как в сфере звуков, так и в сфере лексики и синтаксиса. Поэтому если лингвистика родилась в результате осознания существования инвариантов, полученных в результате анализа письменных текстов, то теперь она в значительной мере становится наукой, изучающей варьирование на фоне устных инвариантов, фиксированных на электронных носителях, и технические достижения лишь ускоряют этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж, К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 304 с.
2. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. - М.: Высш. школа, 1984. -210 с.
3. Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. - М.: Просвещение, 1985.-286 с.
4. Ангипова А. М. Система английской речевой интонации. - М.: Высш. школа, 1979.- 131 с.
5. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1983. -383 с.
6. Бровченко Т. О. Словесный наголос в сучасній українській мові. - Київ: Наукова думка, 1969. - 185 с.
7. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. - М.: МГУ, 1976. -142 с.
8. Галунов В. И. и др. Структура формант русских гласных в слитной речи // Вопросы кибернетики, 1981.-С. 81-89.
9. Гуревич Р. Л. Экспериментально-фонетическое исследование особенностей паузации английских речевых единиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Л., 1970.- 17 с.
10. ДерридаЖ. О грамматологии. - М.: Ad marginem, 2000. - 351 с.
11. Зиндер JT. P. Очерк общей теории письма. - Л.: Наука, 1987. - 111 с.
12. ИстринВ. А. Возникновение и развитие письма.-М: Наука, 1965,-596 с.
13. Невзпядова Е. Н. Звук и смысл // Urbi. Литературный альманах. - СПб.: Звезда, 1998.-С. 71-82.
14. Николаева Н. Е., Шишкина Т. Н. Практика преподавания английской пунктуации и проблема интерференции // Фонетическая интерференция. - Иваново: Иван. ГУ, 1986.-С. 105-113.
15. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. - М.: Наука, 1982. -104 с.

16. Николаева Т. М. Письменная речь и специфика ее изучения // Вопросы языкознания,- 1961.-№3.-С. 78-86.
17. Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. - Киев-Одесса: Вища школа, 1986. - 158 с.
18. Ораторське мистецтво: Навчальний посібник для студентів вищ. навч. закл./ Н. П. Осипова, В. Д. Водник та ін. - Х.: Одісей, 2006. - 144 с.
19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Просвещение, 1956. -224 с.
20. Русская научная речь. Звучащая хрестоматия Приложение № 5 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка. - Санкт-Петербург -л Бохум, 1997. - 97 с.
21. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 696 с.
22. Таранец В. Г. Восклицательная интонация в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис... к. филол. н.: 10.02.04.-Л., 1972.- 15 с.
23. Фридрих, Йоганес История письма. - М.: Иностранная литература, 1979. – 463 с.
24. Butor, Michel Repertoire. Etudes et conferences, 1948-1959. - Paris: Minuit, 1966.-274 S.
25. Calvet, Louis-Jean. La tradition orale. - Paris: Presses Univ. de France, 1984. – 127 S.
26. Chafe W. L. Integration and involvement in speaking, writing and oral literature // Spoken and written language. - Norwood: Ablex, 1982. - P. 35-53.
27. Geissner, Hellmut Muendlich, schriftlich: sprechwissenschaftliche Analysen "freigesprochener" und " vorgelesener" Berichte. - Frankfurt am Main: Scriptor, 1988. — 200 S.
28. Ginneken, Jacobus van La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. - Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitg.-Maatschappij, 1939.- 182 S.
29. Husson, Raoul Mécanismes cerebraux du langage oral et structure des langues. -Paris: Masson, 1968.- 136 S.
30. Nash W. English Usage: A Guide to principles. Rout ledge and Kegan, 1986. – 143 p.
31. Sklar L. Y. Modern English Punctuation. - М., 1972. - 200 p.